

Юлиана Виталия Март

Одоевцева и Адамович, которого «не было» на берегах Невы

Георгий Адамович – герой мемуарных книг Ирины Одоевцевой «На берегах Невы» (1967) и «На берегах Сены» (1983). При равном объеме книг и равном участии героя в жизни автора, в первой из них Адамович упомянут в 15 раз меньше, чем во второй. В первой книге это – персонаж метауровня: важны его сентенции. Через внешний портрет он проецируется на эстетизм эпохи Пушкина. Указывается на контраст в его лице. Во второй книге эта контрастность развертывается в сюжетном плане. Адамович появляется и в смешных, и в неприятных ситуациях, но характеризуется как выдающийся оратор, своеобразный критик и ценитель «пустяков», в которых раскрывается «вечность». После смерти друга Одоевцева берет на себя роль разрушительницы мифов и причисляет его к лучшим представителям русской культуры.

Ключевые слова: И. Одоевцева, Г. Адамович, мемуары, эмиграция, портрет.

Ирина Одоевцева (1895–1990), автор трилогии «На берегах Невы» (1967), «На берегах Сены» (1983) и «На берегах Леты» (1990), не раз привлекала внимание исследователей эмигрантской женской мемуаристики [1–11], но образ Георгия Адамовича в этой трилогии никогда специально не изучался, и мы попытаемся это сделать.

Первая книга описывает период жизни Одоевцевой в Петрограде (1918–1922), ее ученичество у Н. С. Гумилева (1886–1921) и литературный дебют. Больше всего внимания уделено именно Гумилеву, и гораздо меньше – мужу Одоевцевой Георгию Иванову (1894–1958) и его другу Георгию Адамовичу (1892–1972), хотя именно в это время Одоевцева жила с Ивановым у Адамовича.

Вторая книга посвящена периоду эмиграции: преимущественно – жизни во Франции. Частота появлений Иванова и Адамовича существенно возрастает, и в качестве предыстории в рассказ о «берегах Сены» вторгаются эпизоды, имевшие место на «берегах Невы». Порой появляется и Гумилев, но гораздо чаще – Адамович и Георгий Иванов петроградского периода.

Конечно, и «на берегах Невы» Адамович и Иванов представлены не одинаково, хотя бы уже потому, что само название «На берегах Невы» – цитата из стихотворения мужа. При первом взгляде это название скорее должно вызывать «онегинские» ассоциации (здесь и далее курсив наш – Ю. М.):

Онегин, добрый мой приятель,
 Родился на берегах Невы,
 Где, может быть, родились вы
 Или блистали, мой читатель... [12: 10].

Но эпиграф сразу реинтерпретирует это выражение, добавляя к пушкинским ассоциациям ивановские:

Январский день, на берегу Невы
 Несется ветер, разрушеньем вея... [13: 8]

Заметим при этом, что название Одоевцевой слегка отличается, как от пушкинской, так и от ивановской формулы, потенциально включая в свое интертекстуальное поле и многие другие ностальгические тексты о невских берегах и северной столице.

Таким образом, роль Георгия Иванова в жизни Одоевцевой подчеркнута особо. Но и Адамович, почти отсутствующий как персонаж в первой книге, по-своему выделен как персонаж метаописательного уровня. Фамилия Адамовича фигурирует на протяжении книги 14 раз, преимущественно – во второй половине текста. Однако важно отметить, что первые три упоминания приходятся на авторское вступление, и Адамович появляется в очень важной функции «крестного отца», освящающего своим свидетельством правдивость сообщаемых в книге сведений.

В своем предисловии Ирина Одоевцева описывает недавний (не позже 1967 г.) разговор с Адамовичем, в ходе которого она припомнила забавную историю, случившуюся с Адамовичем в детстве и рассказанную им в июле 1922 г.

Как-то, совсем недавно, я напомнила Георгию Адамовичу о забавном эпизоде его детства. Он и его сестра Таня «выживляли» большого игрушечного льва, по утрам потихоньку вливая ему в пасть горячий чай и суя в нее бутерброды. До тех пор, пока, к их восторгу, лев не задергал головой и не «выживился». Но тут-то он и лопнул пополам, и залил ковер своим содержимым [19: 15].

Выясняется, что по прошествии трех десятков лет Адамович и сам уже забыл эту историю и вспомнил только благодаря Одоевцевой. Теперь для него дело чести – защищать ее воспоминания от возможного скепсиса:

Я могу засвидетельствовать, что вы действительно все помните, решительно все, – можете ссылаться на меня... [19: 15].

Конечно, для узкого круга знакомых Одоевцевой во Франции было ясно, что Адамович упомянут здесь не просто в качестве авторитета, который может подтвердить истинность фактической стороны книги. Характер знакомства Одоевцевой с Адамовичем не был секретом для их ближайшего окружения. Но из самой книги понять это довольно трудно. Введение

Адамовича в композиционно важную вводную часть выполняет роль еще одного скрытого посвящения. Оно менее значимо, чем эпиграф из «Январский день. На берегу Невы...» Георгия Иванова, но тоже существенно. Однако его важность завуалирована другой функцией.

Примечательно, что в дебютной книге стихов Одоевцевой «Двор чудес» (1922) всего несколько открытых посвящений, и одно из них – как раз посвящение Адамовичу. Причем Одоевцева выбирает для посвящения очень важный для своей поэтической репутации текст – одну из своих «современных баллад» – «Балладу об извозчике» [16: 14; 17: 47]. В. Шкловский как герой «На берегах Невы» представляет Одоевцеву В. Маяковскому, цитируя эту балладу как нечто общеизвестное: «Лошадь поднимет ногу одну»... «Баллада об извозчике». Слыхали, конечно?» [19: 43].

После появления в авторском вступлении фамилия Адамовича пропадает, и первая треть повествования вообще обходится без него. Он появляется только на 124-й странице цитируемого издания (всего в книге 465 стр.), причем и на этот раз – не как фигура основного сюжета, а как герой авторского отступления. Описывая внешность Мандельштама, Одоевцева замечает:

Конечно, он худой. Но кто же из нас в те дни не был худ? Адамович, как-то встретив меня на Морской, сказал: – Издали на вас смотреть страшно. Кажется, ветер подует и вы сломаетесь пополам [19: 188].

Когда именно были сказаны эти слова – не ясно, с цепочкой основных событий книги этот вставной анекдот никак не связан. Однако, как и вступление в книгу, эта мини-новелла показывает, что между Адамовичем и Одоевцевой были доверительные отношения, и завязались они еще в Петрограде.

Примечательно, что теперь, когда Адамович уже упомянут в качестве петроградского знакомого, совсем обойти его нельзя, но в мандельштамовском эпизоде (рамочном по отношению к приведенному анекдоту) сообщается, что именно Адамовича на встрече и не было. Об этом было сделано специальное уточнение в скобках после сообщения о сборе всех «ближайших соратников» Гумилева:

Теперь мы сидим в прихожей перед топящейся печкой в обтянутых зеленой клеенкой креслицах – все ближайшие «соратники» Гумилева – Лозинский, Оцуп, Георгий Иванов (Адамовича в то время не было в Петербурге) [19: 189].

Адамович таким образом оказывается причислен к ближайшим соратникам, но в статусе отсутствующего.

Вместо рассказов о своих встречах с Адамовичем, коих было немало, Одоевцева далее несколько раз отмечает его отсутствие, а затем и появление на каких-то собраниях, но без особых подробностей:

Гумилев спросил меня, как мне понравился Георгий Адамович, – я его еще никогда не видела – он не жил тогда в Петербурге [19: 323].

Так, говоря о новой лекции Гумилева в конце лета 1920 г., она называет среди присутствующих Адамовича и лишь затем – Георгия Иванова и других поэтов. При этом она не скрывает, что Адамович с Ивановым были неразлучны и заслужили прозвище «два Жоржика».

Адамович появляется как персонаж всего пару раз, и большая часть упоминаний приходится на те случаи, когда Адамовича «не было». При этом, даже в те моменты, когда Адамович присутствует, он не участвует в активном действии, появляясь, скорее, как зрительный образ, как портрет.

Седьмое упоминание Адамовича связано с разговором об отсутствующем Адамовиче, который временно оставил Петербург, но производил на мемуаристку приятное впечатление при своих появлениях, в том числе – своей внешностью. Его внешний облик и обсуждают Гумилев с Одоевцевой в этом эпизоде:

Он такой изящный – у него необычайное, «необщее» лицо, словно составленное из двух, совсем неподходящих друг к другу половин. Подбородок, рот и нос одно, а глаза и лоб совсем другое. Разные, как небо и земля. Особенно глаза, глаза действительно небесные. Будто это про них:

Поднимет – ангел Рафаэля

Так созерцает Божество» [19: 323].

Примечательно, что Одоевцева цитирует здесь финал одного из пушкинских стихотворений «Ее глаза» (1828), посвященных А. А. Олениной, окрашивая дендизм Адамовича в классические тона, а эпитетом «необщее» связывая его с образностью «Музы» (1829) Е. А. Баратынского – поэта значительного, но оставшегося в тени «солнца русской поэзии». Все эти тонкие намеки (включая гендерный «парадокс») формируют образ Адамовича подспудно, а не прямо. Одоевцева приводит и слова Гумилева о том, что Адамович,

хотя и небольшого роста, выделялся среди толпы студентов <...> он скорее похож на произведение искусства, чем на всех этих вихрастых юнцов-студентов [19: 323].

Хоть и с число внешней стороны, но Адамович получает со стороны Гумилева позитивную оценку, бросающую отсвет и на его никак не обсуждаемое творчество¹. В этом же плане, видимо, нужно воспринимать и характеристику лица Адамовича как разнородного, составленного из несовместимых частей.

¹ Согласно популярной с давних времен теории соответствий (и символистской – Ш. Бодлера, и френологической), душа и внешность (и, конечно, одежда, обстановка) тесно сочетались между собой, много говоря о поэте, что видно по статьям А. Белого, М. Волошина, М. Кузмина, М. Цветаевой и, например, немецкого психолога и философа К. Ясперса [20].

После этого не удивительно, что и восьмое упоминание Адамовича связано с его внешним видом. Одоевцева выстраивает ряд представителей искусства, в который попадают Блок, Лозинский, Иванов, Адамович и др. Всех их объединяет общая черта: они «по-прежнему стараются сохранять петербургский подтянуто-эстетический вид» [19: 368]. Одоевцева видит в этом своеобразную фронду по отношению к эпохе, насильно требующей внешнего опрощения.

Вновь выпав из поля зрения мемуаристики, Адамович появляется только в конце книги, но не изменяет себе: и на этот раз он появляется как отсутствующий. По сюжету эпизода ему, как и всем участникам цеха поэтов, полагался эклер (надо сказать, что в III цехе Адамович занимал довольно высокое положение), но из-за отсутствия Адамовича его эклер был разыгран между другими поэтами, читавшими в тот вечер стихи:

Каждому члену Цеха полагалось по эклеру. Георгия Адамовича не было, и решили его оставшимся эклером наградить автора лучшего прочитанного стихотворения [19: 418].

Приз достался Гумилеву, как и большая часть сюжетного пространства книги «На берегах Невы».

Наконец, Адамович появляется как персонаж в компании с Лозинским в эпизоде, где основное место уделено разговору с Гумилевым. Подойдя к беседующим, он по-онегински с ученым видом знатока хранит молчание в важном споре: даже присутствуя, он отсутствует. Зато кстати звучит характеристика, полученная им от М. А. Кузмина, дифференцирующего двух Георгиев: Иванов – «Егорушка», а Адамович – именно «Жоржик».

Уже в самом конце, зато дважды, Одоевцева упоминает о связи Адамовича с квартирой, где она жила с Г. Ивановым. Но о том, что Адамович и сам в ней жил, она умалчивает. Адамович проходит сквозь книгу загадочным, таинственным персонажем, напоминающим героев готической и романтической литературы.

Его таинственный авторитет, обозначенный в авторском вступлении, проявляется и в последнем явлении Адамовича. И вновь это происходит в отступлении, по ассоциации, в эпизоде, посвященном прогулке с Анной Ахматовой и А. С. Лурье. Ахматова занимает в книге важное место, что видно уже по тому, как часто она цитируется (больше, чем кто-либо из поэтов в этой книге), но в фабульном пространстве ее мало, и ее появление для автобиографической героини становится сильным эмоциональным потрясением. На помощь ей (не совсем понятно, Одоевцевой-героине или Одоевцевой-мемуаристке) приходят ободряющие слова Адамовича, который с вниманием отмечал, что Одоевцева

чересчур живая и веселая для такой «известной женщины». Он всегда советует мне притворяться скучающей и разочарованной [19: 473].

Как и в большинстве предыдущих случаев, совершенно не ясно, где и когда это было сказано. Образ Георгия Адамовича почти незримо витает над событиями книги, почти не оставляя улик для биографа и хрониста.

Как становится понятно уже по прочтении второй книги, «На берегах Сены», Адамович не сомневался, что рано или поздно Одоевцева оставит и его портрет, и в каком-то смысле он даже просил ее об этом. Настоящий портрет Адамовича, как и настоящий портрет его друга Георгия Иванова, появился только в книге «На берегах Сены» – уже после смерти обоих.

Отношения Адамовича с Одоевцевой нашли отражение в сохранившейся переписке [14] и в статье Адамовича «Наши поэты: Георгий Иванов. Ирина Одоевцева. Памяти Георгия Иванова». Уже из самого названия видно, что статья эта – поздняя, по отношению к другу – некрологическая. Однако по отношению к Одоевцевой она оказывается парадоксальным образом напутственной и ободряющей, поскольку Одоевцева примерно на 30 лет выпала из «обоймы» поэтов, посвятив себя преимущественно романной прозе на французском языке. В 50-е Одоевцева возрождается как поэт, и Адамович приветствует ее в следующих выражениях:

Одоевцева – подлинный мастер, хотя мастерство ее не имеет почти ничего общего со стремлением к стиху «как будто кованному» (Брюсов о Лермонтове) или с поисками незаменимых эпитетов. Она – мастер приблизительности, произвольности, легкости, неокончательной точности, и, сознательно или безотчетно, она следует верленовскому принципу, согласно которому поэт в обращении со словом не должен обходиться «*sans quelque méprise*» [15: 342].

Уже после смерти Адамовича Одоевцева признается, что

подружилась с Адамовичем сильнее, чем с самой любимой из подруг. Так, как <...> ни с кем не была дружна [18: 160].

В книге «На берегах Сены» она сообщает, что целый год прожила вместе с мужем в квартире тетки Адамовича, о чем было лишь вскользь упомянуто в первой книге. Вообще, при поразительном равенстве объемов двух книг (в цитируемых изданиях «На берегах Невы» – 465 страниц, «На берегах Сены» – 467 страниц), фамилия Адамовича упоминается в первой 14 раз, а во второй – 209 (примерно в 15 раз чаще). Уже одно это лишает нас возможности провести столь же тщательный анализ «присутствующего» Адамовича в книге «На берегах Сены», каким был анализ «отсутствующего» Адамовича в книге «На берегах Невы».

Несмотря на принципиальное различие роли Адамовича в первом и втором томах мемуарной эпопеи, некоторая общность между презентациями этого образа сохраняется. Как и в первой книге, Адамович появляется вместе с биографическим анекдотом. Одоевцева припоминает анекдот об Эйфелевой башне:

Но мне тогда вспомнилась история, рассказанная Адамовичем. Он во время революции возвращался из Старой Руссы. Вагон был набит – как сельди в бочке! В публике, сидевшей в вагоне, находилась старушка, из бывших, как говорится, буржуев. Она вдруг забеспокоилась и стала ерзать на месте: «Товарищи, пропустите, – взмолилась она. – У меня разболелся живот, мне надо выйти...» Но в ответ раздался хохот. «Где же тут выйдешь? Придумала тоже, по головам, что ли?» Но она не унималась и умоляла ее пропустить. Любезные красноармейцы предложили ей: «А мы тебя, бабушка, возьмем за ноги и за руки и вывесим в окно». Она пришла в ужас, но делать нечего, согласилась. Под общий гогот и отпускаемые шуточки. Потом, когда ее снова посадили на место, она, сидя красная, как вареный рак, закрывала лицо руками. И вдруг воскликнула: «Господи, и это со мной, какой позор. И это со мной, которая видела Эйфелеву башню» [18: 48].

Адамович, несомненно, сочувствует героине, но и смеется над ее нелепой спесью. В этом проявился особый взгляд Адамовича на человеческую природу. Но очевидно, что такая история никак не вписывалась в образ незримого хранителя и советчика из первой книги – с глазами Олениной и «лица необщим выражением» Баратынского. Анекдот резко заземляет эстетский образ «ускользающего» денди из первого тома.

Как уже отмечалось в первой книге, живые на тот момент Иванов и Адамович были потеснены погибшим учителем всех трех – Гумилевым. Казалось бы, весь запас воспоминаний о Гумилеве был исчерпан первой книгой. Однако во втором томе уже Иванов и Адамович становятся «локомотивами», которые извлекают из памяти мемуаристики новые гумилевские воспоминания. Одоевцева и Гумилев рассуждают о «Жоржиках»:

Я одевалась быстро, они же, уже готовые к выходу, в пальто, останавливались перед зеркалами, осматривая себя, особым образом подтягивали галстук или приглаживали и без того гладкие волосы. Были они оба очень, даже чересчур изящны, по мнению Гумилева. «Не люди, а какие-то произведения искусства. Оба – и ваш Жорженька больше, чем Адамович. Ни дать ни взять этрусская ваза. Но за этрусскую вазу, как бы она вам ни нравилась, выходить замуж невозможно», – говорил он [18: 168].

Это – повторение «экфразисов» внешности Адамовича из первой книги, заменявших его более подробную характеристику. На это раз, как мы видим, Одоевцева отбирает более насмешливую реплику мэтра. Элегантность Адамовича несколько тускнеет, а специально на его внешности Одоевцева останавливается только в одном анекдотическом случае:

К «брекфесту» он являлся в шелковом персидском халате, доставшемся ему по наследству от «господина Белзя», покойного мужа его тети. Халат этот был слишком велик и широк для Адамовича. Туго

перетянутый в талии, он образовывал множество топорщившихся складок и доходил до земли. Голову Адамович повязывал голубым газовым шарфом, чтобы волосы лежали как можно глаже. В этом наряде он производил странное впечатление, очень забавлявшее меня. Как-то раз, когда Марианна отлучилась, он открыл на стук дверь кухни какому-то красноармейцу, пришедшему предложить свои услуги: – Хозяйка, дров поколоть не надоть? Или полы натереть? – И, не получая ответа от ошеломленного Адамовича: – Что, хозяйка, оглохла, штоль? Дрова колоть не бабье дело. А я, мне сподручно. Адамович, давась от смеха, еле выговорил: – Не надо. Мой муж наколет [18: 160].

Как видим, и здесь присутствует эстетизм «уальдовского» толка, но уже в карнавально-сниженном виде.

Во второй книге Одоевцева дает уже развернутую характеристику Адамовича – мастера слова. Несколько раз она называет Адамовича «лучшим оратором эмиграции»: «Вы прирожденный оратор и эмигрантский золотоуст»:

Адамович действительно прекрасно говорил. И очень легко. Как-то раз, еще до войны, мы с ним приехали в «Зеленую лампу» прямо после обеда у нас. Он должен был выступить с докладом, но ни за обедом, ни в такси ни слова не было сказано о его предстоящем докладе. И только приехав в «Зеленую лампу», он отошел от нас с Георгием Ивановым и уселся на стул в коридоре. – Подождите. Я останусь тут. Мне надо обдумать, что я буду говорить. Пять минут. Через пять минут, не раньше – можешь объявить заседание открытым. ... Пяти минут для Адамовича оказалось вполне довольно. Он в тот вечер – как, впрочем, и всегда – отлично говорил. <...> что обнаружилось уже в собраниях «Зеленой лампы» в конце 20-х годов. Но блестящим собеседником, тем, что французы когда-то называли «causeur», он не был [18: 166].

Однако диалектическая сложность импровизаций Адамовича и ораторский пыл доводили его порой до неожиданных столкновений с ближайшим окружением:

Адамович в те довоенные, догитлеровские годы принимал горячее участие в религиозно-философских спорах с Мережковским, доходивших иногда до курьезов. Так, на одном заседании «Зеленой лампы» Мережковский, весь исходя раздражением и вдохновением, теряя почву под ногами, задал слушателям ошеломляющий вопрос: – Господа, с кем же вы? С Христом или с Адамовичем? [18: 168].

Отмечает Одоевцева и своеобразное словоупотребление Адамовича, который мог назвать уступку дружбе «подлостью», если речь заходила о принципиальности в литературных оценках. Так, «подлостью» он оправдывал свою положительную оценку бездарного автора:

– Просто из подлости, Дмитрий Сергеевич. Он мне не раз помогал.

Мережковский радостно закивал: – Так бы и говорили! А то я испугался, что он вам действительно нравится. А если из подлости, то понятно, тогда совершенно не о чем говорить. Мало ли что из подлости можно сделать! [18: 93].

Однако в случае подобной «подлости» (то есть скорее снисходительности; отметим в этом понятии семантику ‘снижения’, как и во внутренней форме слова «подлость») Адамович мог неожиданно переменить свое мнение. Так вышло с его оценками творчества прозаика С. И. Шаршуна:

Адамович в одном из своих критических подвалов в «Последних новостях» предсказал ему блестящее литературное будущее, через сто лет. Но когда нашелся настоящий издатель, поверивший Адамовичу и пожелавший выпустить роман Шаршуна, Адамович, смеясь, отсоветовал ему это: «Что вы, что вы. Ни в коем случае. Верный провал». И роман Шаршуна так и не вышел в свет, но отрывки его печатались в журнале «Числа». Мне они нравились, но ни читатели, ни критики не обращали на них большого внимания. Шаршуна печатали скорей из-за личной симпатии к нему [18: 142].

Заметим, однако, что в данном эпизоде поведение Адамовича не столь уж противоречиво, поскольку близкой по времени славы Шаршуну он не обещал.

Одной из своеобразных черт ведущего критика русской эмиграции, по мнению Одоевцевой, было отношение к «достоинствам поэта»:

Хотя это и кажется парадоксальным, Адамович в стихах меньше всего ценил талант. – Слишком безудержно, слишком пенится, звенит и летит. Слишком талантливо, – говорил он о стихах одного из наших лучших поэтов. – Признаю все достоинства, но они оставляют меня холодным, а стихи должны волновать и задевать. Таланту он предпочитал одаренность, ум, чувство меры, экономию средств, умение вовремя замолчать [18: 155].

Одоевцева также пишет, что в эмиграции Адамович стал по-настоящему трудолюбив, хотя сам и отрицал это, утверждая, что «пишет из “преодоленной лени” и необходимости существовать, – “а так бы ни строчки”» [18: 162]. Возможно, в этом проявлялась скромность и застенчивость Адамовича:

Застенчив он был не только внешне, но и внутренне. Внешнюю свою застенчивость он научился хорошо скрывать. И вряд ли кто, принимая его у себя, догадывался, что ему стоило мучительных усилий войти в гостиную, полную гостей, и поцеловать руку хозяйки.

Он сам признавался мне, что у него сжимается сердце, когда он переступает порог чужого дома. Даже самого дружеского, где его с нетерпением ждут. Правда, только на одну минуту. Потом совершенно проходит [18: 165].

Не этой ли застенчивости мы обязаны в какой-то степени и тому, что в первой книге Одоевцевой Адамович больше прячется, чем показывается? Это мешало и дружбе с писателем:

В нем было что-то мешавшее окончательному дружескому сближению, что-то останавливающее на этой «черте», делающее последнюю откровенность невозможной – какая-то душевная стыдливость и застенчивость. И отсюда недоговоренность, скрытность, вернее, замалчивание самого главного. Вот-вот, казалось, он заговорит до конца откровенно, щемящим сердце голосом, о самом тайном, сокровенном <...> Но он вдруг обрывал на каком-нибудь словце, выкидывал «риторическое» колечко или прятался за какую-нибудь цитату стихов и продолжал о «пустяках» [18: 159].

Заметим, что в этой черте сказалось некоторое сходство Адамовича с Кузминым, воспевшим «дух мелочей»: как известно, в быту Кузмин избегал серьезных разговоров об искусстве, сознательно дистанцируясь «на башне» Вяч. Иванова от коммуникативных стратегий хозяина дома. Одоевцева пишет о «пустяках» Адамовича и Георгия Иванова в одном из самых патетичных мест своей книги:

Адамович, как и Бунин, редко вел связные отвлеченные беседы и любил говорить только о пустяках. Но эти пустяки всегда были переполнены «скрытой содержательностью» и светились его глубоким умом. Он сам знал за собой эту черту и часто повторял строки Георгия Иванова: Поговори со мной о пустяках, О вечности поговори со мной [18: 151].

Видимо, особенно важно в этом контексте, что Одоевцева цитирует начало стихотворения, посвященного лично ей.

Скромность Адамовича иногда переходила в обидчивость, ранимость, но не в мстительность:

... все обидное, сказанное о нем, помнил десятками лет. Он никогда не мстил за обиды, но нанесенные его самолюбию обиды все же эмоционально окрашивали его суждение об обидевших его [18:154].

Одной из страстей Адамовича, по словам Одоевцевой, была скука. Отметим, кстати, что сам он «поэтом скуки» называл А. А. Блока и относил к этой сфере стихотворение «Ночь. Улица. Фонарь. Аптека...» [21: 277].

Георгий Иванов шутя говорил, что Адамович феноменально, гениально, нечеловечески скучает и это заменяет ему вдохновение. Сам Адамович признавался в стихах: «Но так скучать, как я теперь скучаю, Бог милосердный людям не велел» [18: 162].

Эта «феноменальная» скука, на наш взгляд, – отнюдь не бытовая характеристика, поскольку она хорошо перекликается с топом литературы пушкинской эпохи (в частности, со скукой Онегина, Фауста, лермонтовского Демона), на которую портрет Адамовича косвенно, но регулярно проецируется Одоевцевой.

Не удивительно, что эта байроническая «скука» дополняется вспышками «стихийной страстности», в том числе – за карточным столом (опять же напоминая образы романтических безумцев из «Пиковой дамы» и «Штосса» Лермонтова):

... его огненный темперамент, так плохо, казалось бы, вязавшийся с его внешностью, с его благовоспитанной сдержанностью, с его петербургской изысканной подтянутостью. Этот безудержный темперамент заставлял его терять голову и совершать неразумные поступки; он проявлялся и в его картежной страсти. Адамович был безрассудно и неудержимо азартен. Он начал играть уже в Петербурге, в 1921 году, в только что открывшихся клубах. Ему чрезвычайно не везло. Он постоянно проигрывался в пух и прах [18: 161].

Однажды, по словам Одоевцевой, тетка Адамовича² выделила деньги на покупку квартиры для него, Иванова и Одоевцевой, но Адамович проиграл эту сумму: сначала часть денег, а затем, когда Одоевцева отыграла часть суммы в Монте-Карло, и все оставшиеся деньги (здесь уже вспоминаются скорее сюжеты Ф. М. Достоевского).

В книге «На берегах Сены» показана не только жизнь Адамовича, но и жизнь без Адамовича. Адамович умирает в книге задолго до последнего о нем упоминания. Этот момент четко обозначен: «21 февраля 1972 года» (через полвека и полгода после смерти Гумилева). Одоевцевой кажется, что Адамович, «как большинство писателей, после смерти вступил в полосу “временного забвения”, но это все же не помешало возникновению всевозможных мифов и легенд о нем, а как раз этого он очень опасался» [18: 217]. И она берет на себя роль разрушительницы мифов. Начинает она с мифа о дружбе между Блоком и Адамовичем, говоря, что никакой дружбы не было и быть не могло, поскольку они почти не были знакомы и никогда не разговаривали друг с другом.

Миф этот был основан на единственном письме Блока, в ответ на посылку Адамовичем ему своего первого сборника «Облака», с довольно отрицательным отзывом и советом: «Раскачнитесь сильнее на качелях жизни!» Фразу эту Адамович часто повторял, прибавляя

² Одоевцева характеризует ее так: «Семья Адамовича – совсем особая семья, – до крайности чопорная, снобистская и церемонная. Ею правит его тетка-миллионерша, «вдовствующая королева», как мы про себя называем ее. В огромной вилле-дворце царит железная дисциплина и время рассчитано по часам и минутам» [18: 182].

с комическим вздохом: – К сожалению, я совету Блока последовал. И сами знаете, каковы были результаты [18: 219].

Разрушает она и другие мифы, но не развенчивает самого образа друга. При всей сложности этого образа и рискованности некоторых приводимых эпизодов, Адамович оказывается одним из самых дорогих образов в портретной галерее «На берегах Сены»:

Адамович так говорит в своих воспоминаниях о Бунине: «Я никогда не мог смотреть на него, говорить с ним, слушать его без щемящего чувства, что надо бы на него наглядеться, надо бы его послушаться, именно потому, что это один из последних лучей какого-то чудного русского дня». Но, заменив Ивана Алексеича Георгием Викторовичем и Бунина – Адамовичем, я, не меняя ни одного слова, могла бы написать все это об Адамовиче [18: 151].

* * *

Кратко обобщим сказанное. Г. Адамович – персонаж мемуарных книг И. Одоевцевой, «На берегах Невы» (1967) и «На берегах Сены» (1983), но его присутствие не пропорционально его участию в жизни автора обозначенных периодов. При равном объеме книг, в первой из них фамилия Адамович вводится в текст 14 раз, во второй – 209. В рассказ о «берегах Сены» вторгаются петроградские эпизоды. Из первой книги почти исключен домашний круг: Одоевцева упоминает, что жила с Г. Ивановым в квартире тетки Адамовича, но умалчивает, что Адамович жил вместе с ними.

Адамович вводится в книгу как персонаж метауровня, начиная уже с авторского вступления, где демонстрируется и близкое знание Адамовича (вплоть до воспоминаний детства), и его благословение на ее мемуарный труд. Но многое скрыто даже из внешней канвы событий, в частности – посвящение Адамовичу программной «Баллады об извозчике» Одоевцевой. Адамович появляется как герой отступлений, разговоров, как важная, но постоянно отсутствующая фигура. Сентенции Адамовича приводятся по ассоциации; «во плоти» он вводится дважды, но молчит, как статист. Анекдот об эклере отсутствующего Адамовича, доставшемся Гумилеву, вполне характеризует и распределение внимания мемуариста между этими фигурами: погибшему учителю отводится больше места, чем еще живому на момент выхода книги (1967) другу. В трактовке внешности Адамовича проявляется двойственность, эстетизм, отсылки к А. С. Пушкину и Е. А. Баратынскому, верность уходящему эстетизму прошлого и «европейскость». Его «онегинский» дендизм проявляется в совете Одоевцевой «притвориться скучающей и разочарованной».

Во второй книге автор признается, что «подружилась с Адамовичем сильнее, чем с самой любимой из подруг». Проясняются подробности жизни в петроградской квартире и планы покупки общего жилья на деньги тетки Адамовича за рубежом. В рассказ о друге вторгаются и сниженные

черты: «раблезианские» анекдоты, ироничные отзывы Гумилева, комическая история, в которой красноармеец принимает Адамовича за даму, и характеристика его страстной азартности. В то же время Адамович получает возможность произносить развернутые монологи и характеризуется как «эмигрантский золотоуст». На него даже падает легкий флер шутиливой инферальности (фраза Мережковского: «Господа, с кем же вы? С Христом или с Адамовичем?»). Отмечается и известная текучесть критических оценок Адамовича, его готовность потрафить друзьям и предпочесть глубинную эмоциональность таланту («... Адамович в стихах меньше всего ценил талант. <...> стихи должны волновать и задевать...»). Адамовичу близка идея «вечности», которая раскрывается через «пустяки». Видимо, в этом проявлялась глубинная сторона того дендизма, на который образ Адамовича подспудно проецировался. Его оборотной стороной оказывается неожиданная страстность за карточным столом (и, вероятно, не только за ним) и «онегинская» скука. После смерти друга Одоевцева берет на себя роль разрушительницы мифов и сравнивает его с Буниным, причисляя его тем самым к лучшим представителям уходящей русской культуры.

Литература

1. И. Э. Боброва, Ирина Одоевцева – поэт, прозаик, мемуарист: Литературный портрет. М.: Наследие, 1995.
2. Е. В. Витковский, «Мне нравятся неправильности речи...» (введение в «Избранное» И. Одоевцевой). М.: Согласие, 1998.
3. Л. У. Звонарева, «Автографы Зинаиды Гиппиус, Екатерины Таубер, Ирины Одоевцевой и Зинаиды Шаховской в книжном собрании Ренэ Герра», Издательское дело в России и за рубежом: история, современное состояние, проблемы и перспективы. С. 16–28, 2016.
4. С. Л. Иваницкая, О русских парижанах. «Сколько их, этих собственных лиц моих?». М.: Эллис Лак, 2006.
5. А. А. Кузнецова, Идеиное и художественное своеобразие мемуарной прозы второстепенных писателей русской литературной эмиграции: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 2005.
6. Д. В. Минец, Гендерная концептосфера женского мемуарноавтобиографического дискурса: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Вологда, 2012.
7. Д. В. Минец, С. Ю. Лаврова, «"Мужское" и "женское" в аспекте коммуникативного стиля автодокументальных женских текстов: способы и модели саморепрезентации», Вестник Череповецкого государственного университета, том 4. С. 35–41, 2009.
8. Т. Николеску, «Женские индивидуальности русского зарубежья: русские писательницы во Франции», *Frauenliteraturgeschichte*, том 17. Fichtenwalde, 2003.
9. М. Рубинс, Вступительная статья и комментарий к «Зеркало: Избранная проза» И. Одоевцевой. М.: Русский путь, 2011.
10. А. А. Саакянц, Только ли о Марине Цветаевой? Воспоминания. М.: Аграф, 2002.
11. А. Н. Юркина, «Банальность как тема и как художественная стратегия в творчестве писательниц-эмигранток», Литература как форма социальной и индивидуальной

- рефлексии: материалы XIX Всероссийской научно-практической конференции словесников. С. 70–76, 2016.
12. А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений в 10 т. (Том 5, издание четвертое). Л.: Наука, 1978.
  13. Г. В. Иванов, Собрание сочинений в 3 т. (Том 1: Стихотворения). М.: Согласие, 1994.
  14. «"Верной дружбе глубокий поклон": Письма Георгия Адамовича Ирине Одоевцевой (1958–1965) (Публикация Ф. А. Черкасовой)», Диаспора: Новые материалы. V. СПб.: Феникс. С. 558–608, 2003.
  15. Г. В. Адамович, Одиночество и свобода. (Составитель, автор предисловия и примечаний – Вадим Крейд). М.: Республика, 1996.
  16. И. Одоевцева, Двор чудес: Стихи 1920–1921 гг. Пг.: Мысль, 1922.
  17. И. Одоевцева, Десять лет. Стихи. Париж: Рифма. Издательство имени Ирины Яссен, 1961.
  18. И. В. Одоевцева, На берегах Сены. СПб.: Азбука, 2017.
  19. И. В. Одоевцева, На берегах Невы. СПб.: Азбука, 2017.
  20. К. Т. Ясперс, Общая психопатология. (Перевод с немецкого Л. О. Акопяна). М.: Практика, 1997.
  21. Г. Адамович, Литературные беседы // Звено. Кн. 1 (1923–1926). СПб.: Алетейя, 1998.

Irina Odojevceva un Adamovičs, kurš "nav bijis" Ņevas krastos

Georgijs Adamovičs ir viens no Irinas Odojevcevas memuāru "Ņevas krastos" (1967) un "Sēnas krastos" (1983) varoņiem. Neraugoties uz vienādo grāmatu apjomu un līdzīgo varoņa dalību autora dzīvē, pirmajā grāmatā G. Adamovičs ir minēts piecpadsmit reizes mazāk nekā otrajā. "Ņevas krastos" viņš ir metalīmeņa personāžs, jo dominējošās ir sentences. G. Adamoviča tēls tiek projicēts A. Puškina laikmeta estētismā ar ārējā portretējuma palīdzību, viņa sejas vaibstos izceļot kontrastu. Savukārt "Sēnas krastos" kontrasta princips atklājas sīzeta līmenī. G. Adamovičs parādās gan smieklīgās, gan ne visai patīkamās situācijās, taču vienmēr tiek raksturots kā izcilis orators, savdabīgs kritiķis un dažādu sīkumu, kuros atklājas pati mūžība, cienītājs. Pēc drauga nāves I. Odojevceva uzņemas mītu grāvējas lomu un pieskaita viņu izcilākajiem krievu kultūras pārstāvjiem.

Odoevtseva and Adamovich who "Was Missing" on the Banks of Neva

Georgy Adamovich is one of the characters of Irina Odoevtseva's memoirs *On the banks of the Neva* (1967) and *On the banks of the Seine* (1983). Despite the same volume of the books and equal participation of the protagonist in the author's life, G. Adamovich is mentioned fifteen times less in the first book than in the second. In *On the banks of the Neva* he is a meta-level character, because the dominant position is given to *sententiae*. G. Adamovich's image is projected into the aesthetics of A. Pushkin's era with the help of an external portrait, highlighting the contrast in his features. In *On the banks of the Seine*, on the other hand, the principle of contrast is revealed at the plot level. G. Adamovich appears in both funny and not very pleasant situations, but he is always described as an excellent orator, a peculiar critic and a lover of tiny details which hint at and reveal eternity. After the death of a friend, I. Odoevtseva assumes the role of a myth-scatterer and adds him to the most outstanding representatives of Russian culture.